

В заключение К. В. Чистов поблагодарил Академию наук БССР и Институт искусствоведения, этнографии и фольклора за прекрасную организацию конференции и за гостеприимство.

Для участников конференции был дан концерт, на котором продемонстрировали свое искусство коллективы и отдельные народные исполнители из разных районов Белоруссии.

В. К. Соколова

ТРЕТЬЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ»

С 13 по 15 ноября 1973 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР проходила третья научная конференция «Фольклор и этнография»¹, в которой приняли участие ученые Ленинграда, Москвы, Риги, Еревана, Тбилиси, Душанбе, Петрозаводска. Обсуждались проблемы взаимоотношения в фольклоре архаических форм мировоззрения, социальных институтов и элементов материальной культуры. Всего было прослушано 22 доклада, всесторонне рассмотревших три группы вопросов: 1) мифология, верования и фольклор; 2) вопросы этнической истории и фольклор; 3) обрядовый фольклор.

К первой группе относятся доклады Р. В. Кинжалова, Л. П. Потапова, С. В. Арутюняна, И. И. Шангиной, О. М. Муродова, Е. С. Новик, Е. Л. Мороза, В. В. Сенкевич-Гудковой.

Р. В. Кинжалов (Ленинград) в докладе «Проблема реализации мифа в повествовательном фольклоре и изобразительном искусстве» показал, как отражались фольклорные произведения в памятниках изобразительного искусства древнего Востока, греко-римского мира и Месоамерики. В результате сравнительного анализа повествовательного фольклора и произведений изобразительного искусства докладчик пришел к выводу, что в последних воспроизводится, как правило, иная, зачастую более архаичская версия мифа. Докладчик объясняет это древними представлениями о принципиальном различии между произнесенным словом и мыслью, запечатленной в изображенном предмете, памятнике. Действительно, слово менялось, а образ, закрепленный в дереве, камне и т. п., оставался неизменным.

К. В. Чистов, Б. Н. Путилов, К. Д. Лаушкин, Л. В. Хомич поддержали выдвинутые в докладе положения, подчеркнув их большое методологическое значение.

Доклад Л. П. Потапова (Ленинград) «Ритуальное значение мастей коня у народов Саяно-Алтая» был построен на этнографических, фольклорных, археологических и письменных источниках. Докладчик подчеркнул специфику эпоса как историко-этнографического источника, указав, что он отражает реальную действительность по законам жанра, в рамках своей структуры и образов, в своей эпической интерпретации. Л. П. Потапов показал глубокую древность представлений о ритуальном значении масти коней, возникших на основе культа коня у кочевников.

С. В. Арутюнян (Ереван) в докладе «Мифический образ солнца в загадке о лампаде» проанализировал более 50 вариантов загадки, записанных в различных районах Восточной и Западной Армении. Метафорические образы в загадке (море, в море — змея, в змеиной пасти или на голове драгоценный камень или золото, цветок, яблоко, огонь, прекрасная девушка) имеют много типологических параллелей у других народов; они говорят о древних космических представлениях, которые нашли отражение в верованиях и фольклоре армян.

Докладчик полагает, что образы солнца и змеи-дракона семантически ассоциировались у армян со старинной лампадой, лампадное масло — с небесным морем, фи-

¹ Первая конференция «Фольклор и этнография» состоялась в 1968 г. (о ней см. «Сов. этнография», 1968, № 5, стр. 143—149), вторая конференция — в 1971 г. (см. «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 164—167).

ть — со змеей, огонек лампы — с драгоценными камнями (кораллами, яхонтами и т. д.), золотом.

Для поэтического образа загадки о лампаде функционально и семантически готовым художественным материалом послужило традиционное мифическое представление о небесном светиле.

И. И. Шангина (Ленинград) в докладе «Образ орла в русской крестьянской вышивке и волшебной сказке» рассмотрела взгляды ученых о времени появления в русской вышивке образа двуглавого орла, встречающегося в двух вариантах — с опущенными и с поднятыми крыльями. По мнению докладчицы, первый вошел в русскую вышивку намного раньше XV в., второй — с середины XVII в. под влиянием вещей, украшенных русским гербом.

О. М. Муродов (Душанбе) в докладе «Некоторые фольклорные жанры, связанные с древними верованиями таджиков» классифицировал фольклорные жанры, в которых отразились верования таджиков, следующим образом: 1) демонологические рассказы, 2) шаманские рассказы, 3) призывания (муночот), 4) заговоры и заклинания (дуо, уланг), 5) благопожелания. Произведения этих жанров встречались как в прозаической, так и в поэтической формах и были связаны с обрядами. Их изучение, по мнению докладчика, имеет большое теоретическое и практическое значение.

Е. С. Новик (Москва), выступившая с докладом «Роль элементов театрализации в камланиях шаманов Сибири», видит специфику камлания, в отличие от других магических действий, в разыгрывании шаманом «спектакля» со своеобразным «сценарием» — устойчивой сюжетной основой и определенным набором действующих лиц. Элементы сценария меняются в соответствии с целью и адресатом камлания, что характерно для любой известной формы театра. Диалогическая форма камлания анализируется Е. С. Новик в двух планах: 1) в пространственной композиции действия, основанной на мизансценировании как способе установления изоморфизма между объектами микро- и макромира; 2) в двустороннем характере коммуникаций между шаманом и миром духов.

Е. Л. Мороз (Ленинград) в докладе «Следы шаманских представлений в эпической традиции древней Руси» сделал попытку охарактеризовать образ Бояна в «Слове о полку Игореве» в свете представлений шаманского типа. Еще Р. Якобсон обратил внимание на изображение в «Слове» трех зон (небо, мировое древо, земля). Докладчик приходит к выводу, что творчество Бояна описывается как путешествие по трем космическим зонам, во время которого он превращается в орла, мышь, волка. Это напоминает путешествие шамана во время камлания. Сам набор животных, последовательность превращений, особая цель путешествия, по мнению докладчика, сближает «Слово» также и со скандинавской мифологией, в частности с легендой о добычании Одним меда поэзии. Е. Л. Мороз считает, что существует типологическая близость представлений, которые лежат в основе описания творчества Бояна и в древнескандинавских мифах; возможно также предположение об их общем происхождении.

В. В. Сенкевич-Гудкова (Петрозаводск) в докладе «К вопросу об элементах шаманства в саамском и ненецком эпосах» вслед за языковедами и финно-угроведами К. Нильсенем, Б. Ваклундом, Ю. Тойвореном, П. Хайду и другими относит саамов к самодийскому племени. Это доказывается типологическим анализом саамского и ненецкого эпосов, в которых докладчик находит много общих черт, особенно в эпизодах, связанных с шаманством. Шаманское мировосприятие в настоящее время уже не находит отражения в эпических повествованиях, но оно осталось запечатленным в изображении на шаманском бубне картины трех миров: небесного — верхнего, земного — среднего и подземного — нижнего. Это представление лежит и в основе саамского и ненецкого эпосов.

По теме «Вопросы этнической истории и фольклор» выступили семь докладчиков.

А. Д. Мачинский (Ленинград) в докладе «Этапы древнейшей истории славян и некоторые образы русского фольклора» высказал мысль, что корни мотива оборотничества и связанного с ним мотива змея-врага в Восточной Европе восходят к середине первого тысячелетия до нашей эры. В докладе анализируется образ волка-оборотня в древнерусской мифологии и делается вывод о его тотемном характере. А. Д. Мачинский связывает сакрализацию Дуная с культом рек. Мотив «священной реки Дунай»

он относит к VI в н. э. и выдвигает гипотезу об истоках и древнейших этапах эволюции образа Дуная-Богатыря и сюжетно связанного с ним образа поляницы-амазонки.

С. М. Абрамзон (Ленинград) в докладе «Фольклорные мотивы в киргизских народных преданиях генеалогического цикла» показывает, что генеалогические предания вследствие их насыщенности фольклорным материалом могут служить источником для историков, этнографов и фольклористов. В наиболее концентрированном виде фольклорные мотивы представлены в преданиях о происхождении киргизов от 40 девушек («кырк-кыз», отсюда народная этимология «кыргыз»), о предках киргизов «правого крыла» — братьях Тагае и Адигине и их сестре Нааль-Эдже, о происхождении отдельных племен, в частности племени бугу (бугу — самец оленя).

В докладе подчеркивалось, что традиционные фольклорные мотивы в генеалогических преданиях восходят к эпохе усуньского племенного союза. Так, в преданиях киргизов выступает связь их легендарных предков с животными-тотемами.

Докладчик выявил родство генеалогии преданий с генеалогией героев эпоса «Манас», объясняя это как влиянием эпоса на предания, так и историко-культурными связями киргизов и их предков с племенами и народами Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана.

Л. С. Толстова (Москва) в докладе «Элементы масагето-аланского субстрата в каракалпакском историческом фольклоре» показала сложный этногенез каракалпаков и других народов Приаралья. Этногенез каракалпаков связан с сако-массагетскими племенами Приаралья (VII—II вв. до н. э.), говорившими на восточно-иранских языках, а также со сменившими их позже аланами. В раннее средневековье происходит тюркизация этих племен. В докладе анализируются те слои исторического фольклора каракалпаков, которые, по мнению Л. С. Толстовой, восходят к сако-массагетскому и аланскому элементам этногенеза. Это прежде всего мотив амазонок, получивший яркое отражение в каракалпакском эпосе «Кырк-кыз», в нартском и огузском эпосах народов Кавказа. Можно также отметить и ряд соответствий этих эпосов с эпосом «Шахнаме», мотивами Авесты и с образами скифо-массагетского фольклора. Л. С. Толстова выявляет целый ряд общих элементов (сюжетов, образов), которые в ряде случаев могут служить важным аргументом в пользу генетического родства этих народов.

В докладе Р. Тавере (Рига) «Проблема тотемизма в латышском фольклоре» отмечалось, что существуют два источника возникновения тотемических мотивов и образов в фольклоре — с одной стороны, самые древние представления, с другой — заимствования у других народов уже в качестве художественных образов и мотивов. Последнее характерно для латышского фольклора. Сравнительное изучение археологических, этнографических и фольклорных материалов дает основание считать тотемами в Латвии медведя, некоторых птиц, деревья и рожи. Но, по данным археологии, эти тотемы существовали еще до заселения данной территории латышами. В латышский фольклор они могли войти лишь в преобразованном виде.

В докладе «К изучению мотива гибели великанов» Г. А. Левиinton (Ленинград) рассмотрел возможность реконструкции этого мотива в славянской традиции, на основании лексических данных.

А. С. Мыльников (Ленинград) в докладе «Исторические и бытовые сюжеты в чешском фольклоре» говорил о некоторых особенностях исторического, тематического и жанрового развития чешского фольклора. Одна из характерных черт чешского народного творчества состоит в своеобразной исторической многослойности фольклора. По мнению докладчика, это вызвано ранним развитием городов и относительно высоким уровнем грамотности уже с XIV—XV вв.

Анализируя сказания о происхождении чешского народа в «Чешской хронике» Козьмы Пражского и в «Легенде Христиана», докладчик приходит к выводу, что в этих произведениях получила отражение устная традиция, бытовавшая в предшествующий период.

А. З. Розенфельд (Ленинград) в докладе «Великаны в Таджикском фольклоре и топонимике» выделила среди разного рода преданий, легенд и сказок в таджикском фольклоре самостоятельный цикл о великанах — *войт* (*хойт*), *од*, *одж* (*адж*). Некоторые из этих терминов зафиксированы и в таджикской топонимике, например *калаи одиён* — «крепость одов» (Пенджикентский район). Докладчица высказала предположение, что истоки образов великанов в одних случаях следует искать в древних иранских мифах, а в других — в библейских или коранических преданиях.

Несколько докладов было посвящено обрядовому фольклору.

К. В. Чистов (Ленинград) в докладе «Севернорусские причитания как источник для изучения истории семьи» показал, что анализ причитаний помогает проследить эволюцию форм крестьянской семьи. В 40—60-х годах XIX в. в севернорусских губерниях было записано более 50 текстов похоронных и рекрутских причитаний, в которых нашли отражение как «малые», так и «большие» семьи. В шести из 10 причитаний, в которых речь идет о «больших» семьях, упоминаются не только прямые, но и боковые родственники (двоюродные и троюродные братья и их дети): привлекают внимание также некоторые особенности терминологии: «родителями» называют не только отца и мать, но и дядей и теток; различаются тетки-родственницы и тетки-свойственницы; родственники — члены семьи в одном поколении — объединяются обращением «братцы» и «сестрицы» и т. д. Все это позволяет думать, что социально-психологические нормы, связанные с большой семьей, продолжали еще активно бытовать в 40—60-х годах XIX в. Характерно, что в причитаниях, записанных в 70—90 годах в тех же губерниях, рисуются исключительно малые семьи, иногда несколько усложненные (включающие недееспособных родителей, племянников-сирот, неженатых братьев и т. д.).

Доклад Б. Н. Путилова (Ленинград) был посвящен связям фольклора с народным бытом. Связи эти, по мнению докладчика, до известной степени определяют истоки и генезис жанровых систем, фольклорной сюжетики, образности и поэтической структуры, характер и особенности историко-фольклорных процессов. Художественное познание и моделирование действительности в фольклоре происходит в значительной степени через систему последовательных трансформаций этнографических субстратов, воспринимаемых в качестве первичных обобщений.

И. М. Колесницкая (Ленинград) рассказала о русских свадебных песнях. Ею были охарактеризованы простейшие виды русских свадебных песен, направлявших и комментировавших свадебное действие, показано наличие в них эстетического начала, близость их аналогичным видам украинского фольклора.

М. Б. Руденко (Ленинград) прочла доклад на тему «Отражение в современном курдском фольклоре древнего обычая, связанного с участием коня в погребальном обряде». Археологические данные и источники другого рода, которые позволяли бы судить о древнейшем виде погребального обряда у курдов, а также о связанных с ним верованиях и культах, отсутствуют. Именно поэтому особую ценность как источник приобретает обрядовый фольклор, в частности, похоронные песни-причитания. Текст одного из записанных докладчицей причитаний позволяет восстановить интересные детали похоронного обряда с участием коня, в настоящее время уже нигде не бытующего, а также реконструировать своеобразные представления курдов о загробной жизни.

Символика стрелы в свадебном фольклоре монголов была раскрыта в докладе Л. Г. Скородумовой (Москва). Лук и стрелы символизируют в свадебном обряде монголов плодородие. Истоки этой символики докладчица видит в охотничьей магии эпохи палеолита.

Г. Г. Шаповалова в докладе «Майский цикл весенних обрядов» предложила расширить понятие «майские песни», включив в него семикские и троицкие песни, поскольку христианские весенние праздники семик и троица приходились главным образом на май. Структура и функция майских обрядов и связанных с ними песен особенно отчетливо выступает, если, как это сделано в докладе, рассматривать их независимо от всего, что привнесло христианство, и постараться связать весь отразившийся в них сложный комплекс первобытных верований с фазами луны и солнца. Тогда семикские и троицкие обряды окажутся завершающими обрядами весеннего аграрного календаря, направленными на «приветствие начал» (весеннее равноденствие, первое весеннее новолуние, первый дождь, первый выгон скота, первая трава, первая зелень деревьев — березка). Докладчица указала на тесную связь весенней и свадебной обрядности.

В докладе С. Г. Абашидзе (Тбилиси) — «К вопросу о генезисе „Меха“» говорилось о том, что гудой называли изготовленную для сыра шкуру животного, в которой заключена по поверью «божественная энергия» — внутренняя добрая сила животного.

В докладе А. А. Байбурина (Ленинград) «Некоторые черты мировосприятия в русских колядках» было рассмотрено восприятие времени и пространства в колядках и некоторых других произведениях народного творчества, приуроченных к зимнему солнцевороту. В колядках эти представления основаны на параллелизме и взаимовыводимо-

сти элементов, наиболее важных для характеристики систем вселенной (пространство, время, космос, социальная организация, жилище и т. д.).

К. Д. Лаушкин (Ленинград) в докладе «Первобытные представления о сверхъестественном в Карело-финском эпосе» говорил о двух тенденциях в «Калевале», которые диалектически переплетаются и вступают в «единоборство»: с одной стороны, это первобытные представления о сверхъестественном, с другой — рационалистический и первобытно-материалистический взгляд на окружающий мир. Докладчик подчеркнул важную роль народного поэтического творчества как одного из способов познания мира, помогающего, в частности, привести накопленные сведения в организованную систему.

Закрывая конференцию К. В. Чистов подчеркнул важность и плодотворность подобного научного обмена. Хочется надеяться, что эта хорошая традиция будет продолжена.

Г. Г. Шаповалова

ДВА СИМПОЗИУМА ПО ПРОБЛЕМАМ РАННИХ ЭТАПОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Коллективом сотрудников Института этнографии и Института Дальнего Востока АН СССР готовится капитальная монография «Этническая история китайцев и проблемы формирования китайской нации». При подготовке этого труда обнаружилась недостаточная разработанность ряда проблем, особенно касающихся наиболее ранних этапов этнической истории. Было решено провести несколько симпозиумов, каждый из которых должен быть посвящен определенному этапу в развитии восточноазиатских этносов, и пригласить для участия в них специалистов различных профилей — антропологов, археологов, этнографов, лингвистов, историков из различных учреждений страны. 31 мая — 1 июня 1973 г. в Москве состоялся первый симпозиум, посвященный вопросам древнейшего заселения Восточной Азии. О важности и политической актуальности подготавливаемой работы говорили на открытии симпозиума директор Института Дальнего Востока М. И. Сладковский и заместитель директора Института этнографии С. И. Брук.

В докладе М. И. Урысона «Проблема прародины древнейшего человека в свете палеоантропологических и археологических данных» были сообщены результаты изучения древнейшей палеолитической культуры Олдувай (Танзания) и связанных с нею палеоантропологических находок. В течение ряда десятилетий наука находилась под гипнозом двух выдающихся открытий в Азии — питекантропов на Яве и синантропов в Китае. Многие исследователи были убеждены в том, что эти гоминиды были древнейшими на Земле. Однако находки в Танзании свидетельствуют о том, что питекантропы и синантропы были в действительности очень далекими потомками тех поистине древнейших людей, которые почти за 2,5 млн. лет до существования яванских и китайских гоминид создали в Африке самую раннюю культуру в истории человечества — олдувайскую культуру. Таким образом, гипотеза Дарвина о том, что «черный континент» был колыбелью человечества, спустя более чем сто лет получила свое научное подтверждение.

Доклад на тему «Первичные очаги расообразования» был прочитан В. П. Алексеевым. Используя археологические данные о территориальном подразделении нижнепалеолитической эйкумены, он рассматривает палеоантропологические материалы как аргумент в пользу дискретного расообразования. Докладчик выделяет два первичных очага расообразования: западный и восточный. Восточная Азия была заселена в нижнем палеолите, но, по мнению В. П. Алексеева, не входила в область прародины чело-